

АННА
БЯЛКО

ОБМАН

РЕДАКЦИОННО

Анна Бялко

Обман

«Октопус»

Бялко А.

Обман / А. Бялко — «Октопус»,

ISBN 5-94887-012-X

Этот роман – попытка ответить на несколько вечных вопросов сразу. Нужно ли быть богатым, чтобы стать счастливым? Что такое счастье вообще и женское счастье в особенности? Можно ли справиться со своей судьбой? В книге нет однозначных ответов на эти вопросы, но каждый найдет в ней что-то для себя.

ISBN 5-94887-012-X

© Бялко А.

© Октопус

Анна Бялко

Обман

Моя жизнь кончилась. Не вчера, не внезапно, совершенно без всяких трагедий, потерь, потрясений и прочих ударов судьбы. Просто взяла и кончилась. Утекла незаметно сквозь пальцы, словно струйка сухого песка, расплылась в пространстве, рассеялась по ветру. Осталось лишь неприятное ощущение прилипших к ладоням песчинок и сухое покалывание в кончиках пальцев.

Это потому, что я-то еще живу. Вот так: жизнь кончилась, а я живу. И, по мнению всех окружающих, у меня это крайне неплохо выходит. Более того, все они, независимо от степени близости знакомства, дружно завидуют моей прекрасной жизни, постоянно осведомляясь, каким путем мне удалось добиться таких потрясающих успехов на жизненном пути. И бесполезно рассказывать, что добиваться мне не пришлось, и я ни за что не билась, потому что биться вообще ни с кем не умею. Я даже собственной домработницы боюсь. Она ходит ко мне два раза в неделю вот уже несколько лет, и мне до сих пор перед ней неудобно. Почему, в самом деле, посторонний человек должен убирать за мной по углам? Тем более, что я все равно не работаю...

Да и убирать-то почти нечего. Сын далеко, муж дома почти не бывает, а я... То немного, что я насорю, я в состоянии убрать самостоятельно, что чаще всего и случается. Более того, я обычно стараюсь убрать за собой именно к приходу домработницы, потому что нельзя, чтоб чужой человек видел бардак. Так меня научили с детства. А потом все четыре часа, пока она возится в доме, налаживая мое несуществующее хозяйство, я тихо сижу в углу у себя в комнате, стараясь ей не мешать, и очень радуюсь, когда она уходит.

Домработницу нанял муж. Он убежден, что мне нужна помощь по дому, а потом – так положено. У всех есть домработницы, значит, и нам тоже надо. Я уверена, он даже платит ей больше, чем кто угодно еще.

У меня замечательный муж. Нет, серьезно. Если ради забавы взять и попытаться нарисовать этакий воображаемый эталон мужских достоинств, воплощенный в конкретной личности, эта самая личность окажется очень похожей на него.

Мы с ним ровесники. И то, что мне – в мои тридцать шесть – кажется концом существования, для него, безусловно – самый расцвет. И жизни, и карьеры.

Мой муж Валентин Сергеевич Волковицкий, доктор экономических наук, – крупный деятель так называемой «сферы экономики и финансов». Он кого-то консультирует на самом верху, чуть ли не в совете министров (не даром, естественно), читает лекции аспирантам в какой-то школе экономики (тоже не за спасибо), и кроме того, немножечко шьет. Или кроит. То есть выкраивает – у него своя фирма. И если про Совет Министров и школу экономики я еще могу что-то в общих чертах понять, то чем он занимается в своей фирме, для меня полная загадка. Даже не потому, что я такая дура, а потому, что мне отчего-то не хочется это понимать. Как-то там оно... не совсем чисто. Или совсем не чисто, но это не имеет никакого отношения к дивному образу моего мужа.

Образ тем более дивен, что редко является глазу. И в этом нет ничего странного, потому что когда у человека много работы, на домашних его уже не хватает. Тем более что и домашних-то этих – раз-два и обчелся. И даже двух теперь не набирается.

Справедливости ради, пока Митька – наш сын – жил здесь, в Москве, все было гораздо лучше. Валя и тогда много работал, но по вечерам приходил домой в разумное время, общался с сыном, уделяя что-то и на мою долю, и все выходные проводил с семьей. Бывало даже такое, что мы все вместе куда-то выбирались, жарили шашлыки, устраивали экскурсии и один раз

даже играли в пейнтбол. Без чего, впрочем (я имею в виду пейнтбол), я согласна обходиться всю оставшуюся жизнь.

Но когда Митьке исполнилось четырнадцать, Валя решил – и я, подумав и поплакав, с ним согласилась, – что мальчика нужно отдать учиться за границу. Была выбрана частная школа в Швейцарии – столетняя репутация, всемирная известность, элитная клиентура и полный пансион, и вот наш ребенок, в смешных зеленых штанах по колено и полосатых форменных гольфах, канул за ее воротами на долгие четыре года.

Нет, он, конечно же, приезжает к нам на длинные летние каникулы. И мы, особенно я, навещаем его на коротких каникулах или праздниках. И ему, справедливости ради, там хорошо. У него есть друзья, он уже отлично болтает на трех языках, и учат их там всерьез. Только я все равно не могу отделаться от ощущения, что меня обокрали. И мне кажется, что я совсем уже Митьке не нужна. Глупо, потому что он тоже по мне скучает, и мы перезваниваемся, и вообще мальчик уже большой, ему и надо привыкать к самостоятельной жизни, вот только, только...

Наверное, это потому, что Митя – мой единственный, ранний и очень нужный ребенок. Так получилось, что я всю жизнь была для него и вокруг него, а он соответственно – со мной.

Мы с Валею поженились очень рано, когда нам было, страшно вспомнить, по девятнадцать. А знакомы были и того больше, с десятого класса. Именно в десятом к нам в класс пришел новенький, смешной такой парень весь в веснушках, в очках и с лохматыми темнорыжими вихрами. Я сидела за первой партой, а моя подружка Ирка как всегда опаздывала на первый урок. И этот новенький с девчачьим именем Валя нагло уселся на ее место, и согнать его оттуда уже не было никакой возможности. И он так и таскался за мной, как приклеенный, весь последний школьный год. И к концу этого года я к нему настолько привыкла, что когда мы поступили в институты – он на экономический факультет МГУ, а я в Историко-архивный на отделение искусствоведения, – я с ужасом поняла, что мне его не хватает.

Впрочем, Валька не собирался никуда исчезать. Он стоически продолжал заполнять своей персоной каждый обоюдно-свободный момент, а поскольку среди моих сокурсников парней, а уж тем более конкурентоспособных, было совсем не много, на третьем курсе мы благополучно поженились.

И жили долго и счастливо, и умерли в один день... Смешно, но жили мы действительно счастливо, несмотря ни на что. Денег не было, жить было негде. Сперва мы ютились в комнатухе, больше похожей на чулан, смежный со спальней его родителей, потом, когда родился Митя, образовалась комната в коммуналке, потом возникла кооперативная двухкомнатная квартира. Тогда Валька уже окончил институт, защитил диссертацию и стал зарабатывать. Он почти сразу стал много зарабатывать, время было такое, и профессию он выбрал правильно – всегда умел выбирать.

А я с рождением Мити ушла в «академку», прямо с пятого курса. Обидно было ужасно, диплом был вот-вот, рядом, и учиться мне было интересно, хотя как раз в моей будущей профессии практического толку не предвиделось никакого. Но Валька считал, что ребенок важнее всего, и я согласилась. И просидела с Митей почти полтора года. Но институт я потом все-таки закончила, невзирая на мужнино неудовольствие, – вот вам, кстати, пример борьбы. А потом снова сидела дома. Во-первых, потому, что Митька много болел и его нельзя было отдавать ни в какие сады, а во вторых – из-за предсказанной профнепригодности. Не меня, а собственно профессии. Хотя училась я хорошо, диплом сделала интересный, и можно было даже в аспирантуру подавать. Но Валька опять сказал, что ребенок важнее всего, раннее византийское искусство (моя дипломная тема) среди рассвета перестройки все видали в гробу, и чтоб я не валяла дурака. Жизнь, как говорится, коротка. И хотя искусство вечно, в схватке всегда побеждает жизнь. Тем более, что денег, как я уже говорила, нам хватало.

И даже лишние оставались, если честно. Квартира, машина, еще машина, опять квартира. Вот эта самая, кирпичный дом с монолитом, потолки и арки, балкон и эркер, большая гостиная-салон, две спальни и кабинет. Кухня, холл и два сортира. Евроремонт, конечно.

Мне, правда, удалось все-таки вовремя вмешаться в процесс евроремонта, благодаря чему квартира осталась местами похожей на человеческое жилье, хотя, конечно, какие-то черты европейского отеля трехзвездного уровня в ней все равно присутствуют. Наиболее это заметно в холле-прихожей и салоне.

Но я там редко бываю, особенно теперь. Раньше мы с Митькой и его приятелями играли там на просторе в салки и жмурки, а теперь только два раза в год устраиваются приемы для Валькиных нужных людей, и для этого подобный интерьер как раз идеален.

Я же в основном живу в спальне. Тут стоит старая прабабушкина мебель – не дала ее заменить, стены не покрашены по новой дурацкой моде, а поклеены уютными зелеными обоями, и лампа настоящая, с абажуром, а не вделанные в стенку «споты». И, конечно, книжки. Валька после переезда и ремонта пытался их изгнать, говоря, что пыль и вообще нарушает единство стиля, но тут я уперлась насмерть. И книжки остались при мне. Часть – поновее и покрасивее – мы после отселили в кабинет, туда Валька иногда водит каких-то людей для разговоров, но большинство живет тут, со мной, в прабабушкином же книжном шкафу.

Валька долго высмеивал мое мещанство, но я не сдавалась. А после Митькиного отъезда он вообще перебрался спать в бывшую детскую, говоря, что так лучше – он приходит поздно, и не будет меня будить. Конечно, лучше – я не узнаю, когда именно он вернулся и какими духами от него пахло на этот раз.

Как будто я не знаю, что у него есть баба. Бабы. Любовница – мерзкое слово, я его не люблю. Да это у него, пожалуй, и не любовница. Несмотря на всю мерзость, понятие «любовница» требует какого-то постоянства, а этим тут не пахнет... Секретарша. Каждый раз другая. Референтка, профурсетка – я не вникаю, мне уже все равно.

Мне честно все равно. Я ни разу Вальке ничего не сказала. И я даже довольна, что он спит в другой комнате, а то, пожалуй, пришлось бы говорить. Потому что светски молчать и делать вид, что все нормально, я могу, а ложиться с этим в постель – нет. Пришлось бы говорить, Валька, как джентльмен, стал бы отпираться, а никаких прямых доказательств у меня действительно нет, он все-таки умный мужик, ну и началось бы... Гадость. Нет, суда нет – и не надо, и очень хорошо.

Кроме того, я на самом деле легко могу без этого обходиться. Меня, в общем, это как-то утомляло последнее время. Кстати, когда это было? Митька еще не уехал, значит, год, нет, больше... Неважно. В конце концов, мы женаты почти двадцать лет и знаем друг друга до глубже костей, и никакой тени романтики, кроме привычки, давно уже не осталось. А гимнастикой можно заниматься в фитнес-клубе.

Конечно, Валька нормальный мужик с нормальными потребностями, так что я на него не обижаюсь. Глупо как-то было бы.

Чего мне действительно жалко, так это, пожалуй, той дружбы, которая между нами была. Потому что в той же постели мы могли, обнявшись, долго-долго разговаривать обо всем на свете, и это было гораздо интереснее, чем то, за чем, собственно, ложатся в постель. И это тоже куда-то ушло. То некогда разговаривать, то незачем, потом, как я понимаю, он уже не все мог мне рассказать, а потом говорить стало не о чем. Последний год при встречах мы обмениваемся короткими «как дела» и сведениями о Митькиной жизни, в зависимости от того, кто последним общался с сыном по телефону. Деньги Валька переводит на мою кредитку, не обсуждая, расходами в нашей семье давно никто не интересуется, так что общих тем для беседы практически нет. А еще иногда он спрашивает о моем здоровье и узнает, не нужна ли мне вторая домработница, от чего я решительно отказываюсь.

Нет, я предпринимала какие-то попытки борьбы за свое семейное счастье. Хотя довольно глупо бороться даже не с тенью, а просто с отсутствием человека. И потом, я же не с ним собиралась бороться. И вообще непонятно – с кем?

Но я старалась. Я честно изображала из себя всю такую красивую и изящную к его приходу. Беда в том, что когда приход реализовывался, всем было ни до чего. Потому что когда муж приходит в два ночи, даже если на самом деле с работы, а жена хороша как никогда в изящном наряде и с макияжем, то, что бы ни писали на эту тему женские журналы, это глупо. Лучше честно притворяться спящей.

С обедами было примерно то же. Я готовила еду (я хорошо готовлю, без дураков) и ждала мужа с обедом, но опять же, среди ночи – какой обед? Даже ужин никому не нужен. И получалось, что я готовлю сама себе, а это еще глупее. Тогда я перестала готовить, и когда Валька как-то раз внезапно вернулся домой к семи, жрать было нечего. В холодильнике уныло жили продукты для завтрака – апельсиновый сок, йогурты и яйца. Потому что он дома только завтракает, а я вообще почти ничего не ем. Ну и, конечно, Валька, отметая мои горячие предложения сварить кашу из топора, поехал ужинать в ресторан. А я осталась дома с яйцами. Теперь уже даже не вспомнить, почему, собственно, я не поехала с ним, но это уже и неважно.

Собственно, и с домработницей то же самое. Я действительно не убираюсь в доме – для кого? Для себя – мне это не нужно, я могу жить в пыли, а больше в доме никого нет, потому что по ночам все равно темно. Но раз меня напрягает вытирать пыль, считает Валя, пусть будет домработница. Ну, пусть будет, она мне почти не мешает, я ее вынесу, а ему так спокойней.

У меня была еще одна убогая попытка в этой жалкой борьбе. Как-то под весну меня что-то дернуло, я позвонила в турбюро и заказала нам на выходные билеты в Париж. В пятницу туда, в воскресенье обратно, и гостиница на бульваре Сен-Жермен.

Мы с Валькой как-то были в Париже, лет пять назад, нет, уже больше. Это была не первая поездка за границу, но тогда нам впервые удалось поехать вдвоем – Митька остался с бабушками. На нас тогда что-то нашло – от непривычной свободы мы ошалели, бродили по городу, держась за руки, как дураки, плавали по Сене на кораблике и целовались под мостом. Мне удалось затащить его в музей, и я рассказывала ему про искусство Ренессанса, а он слушал меня, открыв рот. Стояла ранняя осень, каштаны были в золоте, цвели розы. Ну вот, я почему-то и подумала, а может...

Валька даже сначала не возражал. Удивился, конечно, поднял бровь, но не возражал. Счастье длилось час. А потом он вспомнил, что на выходных у него совещание, заседание, консультация... Предложил перенести на следующие, а там случился праздник, потом не было билетов, потом... Потом мне уже было ничего не нужно. Я не борец. Можно было, конечно, напрягшись, все это превозмочь, но мне так не надо. Если бы он сам вспомнил... Но все – свободные люди в свободной стране.

В условиях этой полной и ничем не ограниченной свободы можно было бы, наверное, заняться какой-нибудь деятельностью на пользу обществу, но я, честно говоря, не могла себе ничего придумать. То, что я знаю, люблю и умею, я и так делаю – для себя. Больше это не нужно никому. Я прочла миллион книжек, выучила итальянский язык и побывала в тысяче музеев. Здорово было ходить туда с Митькой – ему интересно, и я чувствовала, что училась не зря. Но я и без Митьки уже ездила куда-то – одна. Не так здорово, но все равно приятно. Хотя работой это трудно назвать даже с натяжкой. У меня иногда руки чешутся, и слова рвутся на бумагу – каких статей можно было бы написать! Но писать статьи по искусству самой для себя – даже не идиотизм, а просто диагноз.

Настоящих подруг у меня нет. Впрочем, ненастоящих тоже. Школьно-институтские приятельницы как-то позатерялись в ходе времен, возможно, отпугнутые неудержимо растущим Валькиным благосостоянием, а новых уже не завелось. Жены нужных людей, перед которыми я блещу интеллектом на тех приемах, куда по статусу положено приходить с супругой, почему-

то не вызывают желания знакомиться, а тем более дружить, с ними поближе. Впрочем, со стороны я, наверное, тоже противная – воображаю из себя невесту что, подумаешь, искусствовед. Так меня всем представляет Валька: «Моя жена Арина Николаевна, искусствовед».

Пару раз я делала попытки организовать себе какое-то дамское общество, для чего ходила в фитнес-клуб и салон красоты. Но, честно говоря, это еще хуже, чем на приемах. Там хоть иногда встречаются люди, с которыми можно разговаривать, не надувая нос и не растягивая гласных. «Ну, вы понима-а-ете-е...» Кроме того, гимнастика и прочие упражнения, как я уже упоминала, не моя стихия. И мазать лицо серыми глинами с альпийских высокогорных лугов по восемьдесят долларов порция – не моя стезя. Может, конечно, кожа лица потом и светится, но кто ж ее видит?

– Тебе надо просто что-то изменить в жизни, – сказала мне как-то знакомая, старший менеджер в бутике, где я иногда покупаю тряпки. Цены там просто неприличные, поэтому над каждым клиентом трясутся, как над родным, поят кофе с пирожными и беседуют за жизнь. И милая Наденька изо всех сил старалась меня утешить, когда я, как дура, отчего-то распозлалась на жалостливые причитания по принципу «жизнь не удалась».

– Это у всех бывает, просто такой период, кризис среднего возраста. – Она назвала это по-английски, «middle life crisis», звучало прелестно и убедительно. – Надо что-то изменить, а потом все опять будет хорошо.

В знак признательности и стремления к переменам я купила у Наденьки дорожную сумку, которая отличалась от моей предыдущей наличием лишнего внутреннего кармана, а по пути домой пыталась применить совет к собственной жизни.

Поменять работу я не могу за неимением таковой. Поменять мужа тоже проблематично: во-первых, не на кого, во-вторых, это ничего не изменит, а в-третьих – у Мити должен быть отец. Можно, конечно, не менять мужа, а просто уйти от него, жить одной, но – какой смысл? Я и так живу практически одна. Кроме того, с Вальки станется, он может при разводе и ребенка отсудить. Ребенок, конечно, все равно в Швейцарии... Да нет, это маразм какой-то.

Поменять место жительства, конечно, было бы можно, Валька даже говорил как-то мельком что-то о загородном коттедже, но еще один евроремонт я не вынесу. Машину Валька мне поменял в прошлом году, а смена более мелких предметов погоды не делает.

Можно, конечно, завести любовника и поменять его. Но опыт показывает, что возни будет много, а толку чуть. Плавали, знаем.

Да-да, все так. Плавали-плавали. У Вальки есть заместитель, Гриша, такой симпатичный мужик, чуть помладше меня. Неженатый, между прочим. Или разведенный. Валька сам мне сказал, все сетовал, что у меня подруг нет, а то могли бы познакомить. Мы с Гришей периодически встречаемся на всяких их швайнфестах, и, честное слово, я ему всегда радовалась, как родному, без всякой задней мысли. Милое открытое лицо, и разговаривать с ним можно. В разговоре он случайно обмолвился, что часто бывает по делам недалеко от нашего дома. И я позвала его заходить. И он как-то зашел.

Все было очень мило. Оказывается, я необычайно красива и чертовски умна. Он давно на меня смотрит и боится открыть рот. Он и подумать не может, Валя ему как брат, но я так хороша, что...

Да, Господи, мне не жалко. Я, как говорится, не облезу. Валя, думаю, тоже. Он для начала ничего не узнает, тем более не облезет. И очень удобно, что Гриша работает под ним, на всякий случай: не столько мою репутацию будет беречь, сколько свою карьеру.

А по сути... По сути – ничего. Ласковый мальчик, очень старательный, очень умелый, но как-то все это... Пусто. Телу хорошо, спору нет. И глаза потом светятся, и волосы выются, а на душе пустота. Даже не противно, а просто все равно, как на сеанс массажа сходить.

Гриша приходил еще пару раз. Честно говоря, его было жалко. Почему-то казалось, что я его использую, забираю у него что-то, что ему очень нужно, а мне вовсе нет, а взамен ничего не

даю. Хотя тут-то как раз все было по-честному. Он говорил, что такого даже вообразить себе не мог. Смешным образом, с ним я была гораздо активнее и раскованнее, чем с Валькой, именно потому, что было все равно. Все равно, что он подумает, все равно, что увидит. И ходила потом голой по квартире (при Вале я давно себе этого не позволяю, знаю, что вид уже не тот). Как римлянка, которая не стесняется наготы своей перед рабами. А он смотрел и млел. И если в первый раз эти восторги еще как-то трогали за душу, то потом и это исчезло.

А потом и Гриша исчез. Я наплела ему что-то про Валю, про совесть, про свое положение и репутацию. Он соглашался, только кивал с тоской. И теперь еще при редких встречах поедает меня печальными глазами. Собственно, после истории с Гришей я и заказала те билеты в Париж...

Париж не случился, так и остался мечтой в синеватой дымке... И ничего не случилось – ни со мной, ни с Валею, ни даже с мальчиком Гришей. Да и что, собственно, должно было случиться... Что вообще может случиться с той, которая живая только снаружи? Ведь если у вас нету тети – вам ее не потерять, правда же?

Я и сама иногда, пытаюсь взглянуть на свою жизнь как бы со стороны, не могу понять, чего же мне, собственно, не хватает. Положа руку на сердце, оснований для счастья у меня более чем достаточно. И все мои претензии к мужу абсолютно дурацкие и высосанные из пальца. Потому что не пьет, не бьет, денег в дом приносит – чего же еще желать?

Я ничего не желаю. И претензий к Вальке у меня нет. И ни к кому нет. Чтобы быть счастливой, никаких оснований вообще не нужно. И ничего не нужно. Счастье либо есть, либо нет. И если его нет, то не помогают ни уговоры, ни неземные блага.

Конечно, можно жить и без счастья. Это, если вдуматься, совершенно необязательно. Счастье – понятие эфемерное, а жизнь – это жизнь, сугубо материальная штука. Был бы достаток, комфорт и уют. Сиди себе в тепле, живи и радуйся. Я, безусловно, сижу в тепле, вот только жить у меня не получается. А видимость счастья изобразить можно кому угодно, только не себе самой. И с какой стороны ни смотреть, я-то все равно знаю, что, если мне плохо самой с собой, нет у меня ни счастья, ни жизни. Вот так все просто, хотя и трудно понять.

Но на самом деле все не так просто. Или наоборот – просто как раз до банальности и банально до отвращения. В доме было полно спиртного. Валин бар, запас для гостей, всегда. Богато и разнообразно.

Я вообще не пила. Никогда, еще со времен беременности и Митиного младенчества. Я как-то не видела от этого кайфа, а что до расслабления... Зачем мне расслабляться – я же не напрягаюсь.

А тут я попала под дождь во время прогулки. И бежать-то было недалеко, а вымокла вся до нитки. Стояла ранняя осень, в доме еще не топили, горячая вода была отключена на профилактику (богатые тоже плачут), а греть встроенный нагреватель было долго. Я выпила чаю, но меня продолжало знобить. И, чтобы согреться, я влезла под одеяло и взяла с собой полстакана какого-то ликера из бара.

То ли с непривычки, то ли оттого, что я замерзла, но на меня впервые в жизни это подействовало. Стало тепло, сонно и как-то легко. Куда-то исчезли пустота и тоска, почему-то быстро кончился вечер...

А через пару недель я с удивлением заметила, что немалая часть бутылок в баре как-то почти опустела. Пожав плечами, я купила новых – чтобы не оставлять мужа без стратегических запасов. Заодно купила кое-чего и на свою долю...

Главное, я каждую минуту понимала, что это не дело. Что нельзя пить в одиночку и не закусывая, что от сладких ликеров тоже спиваются, что женский алкоголизм вообще неизлечим. Но вместе с тем другая часть меня – наверное, та, которая еще не совсем умерла, – тоже понимала, что, если выпить всего стакан густой сладкой жидкости, вечер кончится, и пустота сожмется в почти незаметный комочек где-то в глубине, а не вокруг меня, и тишина в квартире

перестанет так бить по ушам. Что если выпить еще немного целебного настоя и лечь в постель, то, может быть, удастся быстро заснуть и не лежать часами, прислушиваясь, не вертится ли наконец ключ в двери...

И если я пыталась по старой, не вытравленной интеллигентской привычке задумываться над тем, что со мной происходит, кто виноват и что делать, то у меня получалась полная неразбериха. Выходило, что та, хорошая часть меня, которая читает книжки, любит мужа и сына, ведет дом и варит обед, никому не нужна и поэтому умерла, а другая, которая пьет втихаря и пытается гулять на сторону, оказывается востребованной и потому живой. Но при этом хорошая часть из своей могилы тянет ее к себе, уговаривая отказаться от порока, чтобы стать хорошей и тогда тоже умереть? А что же останется у меня? Вернее, от меня? И кому нужны все эти дохлые благодати? А если не нужны, чего я за них цепляюсь? И может ли мертвое за что-то цепляться?

В общем, я совсем запуталась. Ясно было, что надо куда-то бежать и что-то менять, но вот куда и на что... И тут еще разразилась осень со своей хнычущей промозглой погодой, это и обычных-то людей вгоняет в депрессию...

В тот день я вышла из дому ранним серым утром. Было начало ноября, с вечера шел дождь, с ночи подморозило, на улице было скользко, сыро и противно. Я бы и не поперлась никуда в такую мерзоту, да и идти мне было в общем некуда, но, с одной стороны, пришла домработница, а с другой – я уже успела выпить свою утреннюю рюмку, и если остаться дома, то я не смогу остановиться, а домработница увидит, нехорошо.

И я, как приличная, сняла у себя в спальне халат, оделась и нарисовала что-то на лице, закрыла бутылку и засунула в свой шкаф с одеждой, куда домработнице лазать запрещалось. Пока совала, наткнулась там на три пустых, что настроения мне, естественно, не улучшило.

Ходить по такой погоде три часа пешком было бы безумием, поэтому я сразу направилась к машине. Выпить я успела совсем немного, езжу я аккуратно, но даже если что-нибудь и нарушу, никакому менту в голову не придет проверять меня на алкоголь.

Моя машина единственным ярким пятном выделялась на унылом фоне ноябрьского двора. Когда Валя год назад спросил меня, какую машину я хочу, я не стала просить ни дорожного «Мерседеса», ни навороченных итальянских и французских жестянок, а выбрала простой честный «Фольксваген-Гольф». Но, очевидно, та часть меня, которая отвечает за пороки, не могла вынести такой умеренности, и поэтому мне захотелось машину ярко-красного цвета. Вообще-то подобная гамма мне совершенно несвойственна – у меня вся одежда или черная, или серая, а в качестве ярких деталей я использую максимум что-нибудь темно-зеленькое. Даже мой муж тогда удивленно охнул. Но каприз выполнил – и теперь я распекаю на совершенно убойной, просто глаз вырви, алой машине. И что самое смешное, мне это нравится. Особенно весело смотреть, какие лица бывают у тех, кто наблюдает, как из тормозящего с визгом вызывающе-яркого агрегата выходит изящная неяркая дама средних лет.

Верный «Гольф» радостно заурчал мотором с полоборота, я включила печку, поставила себе какую-то музыку и двинула потихоньку в сторону центра.

Мы живем возле Октябрьского поля, ехать я решила по Ленинградскому шоссе, но на выезде попала в дурацкую пробку, решила объехать, развернулась, захотела срезать, и каким-то чертом меня вынесло на площадь Красного Балтийца, причем не в ту сторону.

Если кто знает – это жуткое место, открытая площадь, на которой пересекается несколько больших дорог, и тут никогда нельзя проехать так, чтобы попасть в нужный ряд в нужную сторону, даже если точно знаешь, куда тебе надо. А уж если выехал не с той стороны, пиши пропало. Я даже не стала сопротивляться, просто поехала, как была, и, естественно, вместо Ленинградского шоссе в сторону центра меня вынесло куда-то поперек, и я попала в какое-то

унылое место, похожее то ли на задворки овощной базы, то ли на заводской поселок, в общем, мрак.

Я слегка запаниковала, потому что вообще плохо ориентируюсь в незнакомых местах, да еще на машине, постаралась свернуть как можно скорее, в поисках разворота заехала в какой-то двор, он оказался сквозным, я проскочила, опять, кажется, выехала не в ту сторону, свернула зачем-то вправо, полностью потеряла ориентацию в пространстве и в результате оказалась на уже абсолютно незнакомой улице.

С неба начала сыпаться какая-то мерзость, не то дождь, не то снег, а я, естественно, забыла поставить дворники. Видимость сквозь переднее стекло грозила приблизиться к нулевой, я свернула к тротуару, приглядываясь и ища место, чтобы остановиться, и тут...

Я, конечно, смотрела вбок и не видела ее, но ехала при этом медленно, и в любом случае мою машину трудно не заметить... Словом, я не знаю, как и откуда, но внезапно прямо у меня перед капотом оказалась женщина в дурацком клетчатом пальтишке, а еще через секунду я услышала противный тупой удар. Я изо всех сил ударила по тормозу, машину, кажется, повело вбок на скользком асфальте... Наконец, я остановилась.

Первые несколько секунд я просто не могла пошевелиться от ужаса. Допрыгалась, дура! Что теперь будет?! Я ее задавила!

Потом страшно захотелось уехать отсюда как можно скорее. Удрать и все! Пусть ищут – не найдут. Мало таких... Скажу Вальке, он спрячет машину, и не было ничего. Он сможет, это уж точно.

А потом я выскочила из машины и на трясущихся ногах побежала к лежащей в грязи женщине.

Она лежала на боку, вытянув одну руку и подогнув ноги. На ней действительно было дурацкое, почти детское пальтишко в красно-серую клетку и вязаная пушистая шапка-берет уныло-бордового цвета. У меня была такая в детстве, я ее ненавидела и называла «возлюбленная свекла». Рядом валялась дешевого вида коричневая сумка. Идиотская старуха! Ну что ее понесло ко мне под колеса, сидела бы себе дома по такой погоде, смотрела бы свои сериалы!

Неужели насмерть? Такого не может быть, я же ехала совсем медленно, и тормоза... Я присела над ней, потрясла за плечо. Женщина шевельнулась и застонала.

Слава Богу! Теперь все обойдется. Не думая ни о замшевой куртке, ни о кашемировых брюках, я плюхнулась на колени в лужу рядом с ней, подняла ее голову. Шапка слетела, из-под нее рассыпались светлые локоны. А она, пожалуй, не такая уж и старуха. Да и не старуха вовсе! Передо мной лежала совсем еще молодая женщина, довольно красивая, если не брать в расчет полосы грязи на лбу и щеке. Крови нет, ран нет, синяков вроде тоже... Что ж она, как неживая совсем?

– Очнитесь! Вы слышите меня? Что с вами? – И хоть бы какая-нибудь скотина подошла помочь, я же не подыму ее одна. Нет, никого. Впрочем, может, оно еще и к лучшему, а то будут потом рассказывать в милиции, как я ездила по несчастной жертве взад-вперед.

Женщина у меня на коленях открыла глаза. Почему-то я отметила, что они темно-серые, и ресницы такие длинные... Что-то было невнятно-знакомое в ее лице, кого-то она мне напоминала, вот только кого? Неважно, сейчас не до этого!

– Вам больно? Что болит? Вы можете встать? Давайте попробуем, я вас сейчас в больницу отвезу.

Женщина только качнула головой, еле слышно уронила: «Нет».

– Но вам же плохо. Поедемте. Это я вас задела, вы так появились внезапно... Подымайтесь, только тихонечко, я вас держу.

Она действительно попыталась приподняться, я, то и дело поскальзываясь, как могла помогала ей, и в итоге ей удалось подняться и сесть, прислонившись спиной к машине и опираясь на правую руку. Я сидела возле нее на корточках.

– Что у вас болит? Руки, ноги – чувствуете что-нибудь?

Она снова покачала головой. Неуверенно провела левой рукой по телу, как бы проверяя, все ли на месте, потом подняла ее и прижала ко лбу.

– Да нет... Все вроде ничего... Только вот голова кружится...

– Это конечно, вы упали, испугались. Это шок. Может быть, и ударились даже. Я смотрела, вроде не видно, но это не значит... Поедьте в больницу. Я знаю врача хорошего, я вас отвезу.

– Не надо больницу. Я сейчас встану.

– Тогда давайте я вас домой отвезу, но врача все равно надо вызвать. Вы где живете?

Она подняла на меня совершенно больные глаза:

– Не знаю... Не помню.

Я слегка растерялась, но решила, что она еще в шоке.

– Ничего страшного, сейчас успокойтесь немного, и все вспомнится. Давайте попробуем встать, я вас хоть в машину посажу, а то вы еще и простудитесь тут в грязи.

Сказать, что мы перебрались в машину не без труда, значит не сказать ничего. Было скользко, обе мы вывозились в грязи и были мокрыми, руки скользили, ноги подкашивались, дверца не хотела открываться, а когда согласилась, сделала это не в ту сторону. В попытке усадить поудобнее я чуть не приложила свою жертву головой об крышу машины, но в конце концов мне удалось водворить ее на пассажирское сиденье и пристегнуть для надежности ремнем. Главное, сделав все это, я тут же стала жалеть, что не затащила ее на заднее сиденье – там можно лечь и вообще удобнее. Но повторить свой атлетический подвиг я все равно бы уже не смогла.

Обходя машину, чтобы сесть за руль, я подобрала сумочку женщины, валявшуюся тут же в луже, отряхнула ее как могла и, садясь, аккуратно положила ей на колени.

– Ну как, пришли немножко в себя?

Она повернула ко мне голову:

– Не знаю...

– Послушайте... Кстати, как вас зовут? А то неловко, знаете, как-то. Я Арина, а вы?

Снова это беспомощное выражение:

– Не помню. Честное слово, не помню...

Господи, это надо же. Я, конечно, в теории знала, что такое амнезия, то есть потеря памяти, и даже читала об этом какие-то околону научные статьи, не говоря уже о том, что без случая амнезии не обходится теперь ни один мало-мальски уважающий себя сериал, но чтобы вот так, непосредственно рядом со мной... Да что там рядом – просто из-за меня! А главное, что мне-то теперь делать? Конечно, надо в больницу, но она не хочет, она же хоть и без памяти, но в своем уме и сознании, а мне ее жалко, я и так виновата... Может, домой отвезти? Вальки нет. О, черт, там же домработница, будь она неладна! Ну и что, это мой дом, кого хочу, того и давяю. Но она может в милицию позвонить, нет, надо сперва Вальке...

Тут моя обеспамятевшая что-то сказала и неловко повернулась на сиденье, отчего ее сумка съехала вбок и шлепнулась на коробку передач между нами. Я подняла ее, и тут меня осенило. Сумка! А там наверняка паспорт или хоть что-нибудь, из чего станет понятно, кто и откуда ее хозяйка.

– Вот ваша сумка, вы не возражаете, если я погляжу, может, там документы есть?

Не возражает. Хорошо. Открываем, смотрим. Молнию заело, господи, ну и сумка, как люди с такими ходят, но это не твое дело, так, кошелек, носовой платок, ключи, кармашек на молнии... А вот и паспорт, ура!

Шмелева Марина Михайловна. Так, год рождения... Надо же, на пять лет меня младше, а ведь и не скажешь. Место рождения... поселок какой-то, паспорт выдан... г. Москвы, уже хорошо, регистрация по адресу... Шмитовский проезд, 15, квартира 9.

Так это совсем недалеко. Еще, конечно, сообразить бы, где мы находимся. На Марину Михайловну в этом смысле рассчитывать явно не приходилось. Она сидела, снова закрыв глаза и опустив голову на плечо, и было полное впечатление, что только автомобильный ремень удерживает ее в вертикальном положении. Хорошо, что догадалась застегнуть.

Я плохо ориентируюсь в городских улицах, но в критические минуты во мне просыпается какой-то загадочный древний инстинкт, зов предков или еще что-то в этом роде. Я решительно рванула с места, развернулась и уже минут через пять снова оказалась на ненавистой площади Красного Балтийца, но уже в нужную сторону. А уж доехать оттуда до Пресни и найти Шмитовский проезд способна даже такая топографическая кретинка, как я.

Заехав во двор нужного дома и вычислив нужный подъезд, для чего пришлось открывать окно и высовываться чуть ли не до половины в попытке разглядеть номера квартир, я аккуратно запарковалась как можно ближе к подъезду. Выключив мотор, я тихонько потрясла свою жертву за плечо:

– Марин, Марина. Просыпайтесь, мы приехали домой.

Вздрыгнув, она подняла голову и поглядела на меня непонимающими глазами. Ну, хоть против имени не возражает, уже кое-что. Может, все-таки придет в себя потихоньку. Вот только кого она мне все время напоминает...

Отстегнув застежку ремня, я наклонилась в ее сторону, чтобы помочь высвободить ее руку из ременной петли. Прядь волос упала мне на лицо, я досадливо мотнула головой, отбрасывая ее, и мой взгляд случайно упал на зеркало заднего вида. Прямо перед моими глазами, слегка искаженные в его выпуклой поверхности – зеркало у меня панорамное, – отражались наши склоненные друг к другу головы с одинаково восторженными белокурыми кудрями. Со второго взгляда я тихо охнула и сползла на свое сиденье, чувствуя, что тоже сейчас лишусь – нет, наверное, уже лишилась, – если не памяти, то рассудка. Почти наверняка.

Наши лица были похожи одно на другое как две капли воды.

С минутку я посидела спокойно, не шевелясь. Потом на всякий случай потерла глаза и снова взглянула в зеркало. С водительского места было видно только мое лицо, да и то лишь верхняя часть. Мое лицо, точно. Глаза серые, ресницы ненакрашенные, нос, лоб. Щека запачканная, и когда только успела. Я отвернулась от зеркала и посмотрела на соседку. Нос, лоб. Глаза, правда, уже закрыты, но щека точно так же запачкана. Действительно мы так похожи, или мне померещилось?

Я обернулась назад и вытащила с заднего сиденья свою сумку, нащарила в ней зеркальце. Как следует посмотрела на себя, потом на Марину. Все было точно. Мы действительно были похожи, как родные сестры, и даже больше, если учесть, что как раз с родной-то сестрой нас спутать никак нельзя. И вообще она давно живет в Америке. Хотя при чем тут моя сестра?

Я выдохнула, бросила сумку назад, закрыла глаза и попыталась собраться с мыслями. Ничего себе ситуация! Наехала на человека, задавила до состояния полной амнезии, да еще в придачу оказывается, что из всех на свете умудрилась выбрать для этого своего двойника. Бывает же такое! Ведь кому рассказать – не поверят, прямо как в фантастическом романе.

И тут меня осенило. Вот же он, мой невероятный шанс! Полная смена образа жизни! Вот она, моя новая жизнь, сидит рядом со мной в беспомощности. Переодеть ее и подсунуть вместо меня. Она все равно ничего не помнит. Мити нет, Валька ничего не заметит. А самой стать Мариной Михайловной, простой скромной женщиной, и зажить просто и правильно с чистого листа.

Конечно, надо учесть, что я и сама-то была тогда в сильно нестабильном состоянии рассудка. Больше ничем эту дикую идею объяснить нельзя. Затяжная депрессия, алкоголь, авария, шок... В здравом уме со мной такого бы, наверное, не случилось.

А тут все выходило очень хорошо. Будто мне черт ворожил. Я собралась, сконцентрировалась, а потом, как заведенный автомат, приступила к выполнению этого безумного плана.

Снова взяв ее сумку, я вытащила оттуда ключи, сунула их себе в карман, потом убрала ее сумку в свою, вышла, обошла машину, аккуратно вытащила из машины Марину (почему-то это оказалось гораздо легче, чем ее туда запихать), прислонила ее к машине, захлопнула и заперла дверцы, обхватила свою жертву за талию и повела к подъезду.

Она была в странном, полусознательном состоянии. Идти сама почти не могла, но все-таки и не падала, ничего не спрашивала, не говорила. Мы, как сиамские близнецы, вошли в подъезд и стали не спеша подниматься по лестнице.

Дом был старый, пятиэтажный, не хрущевка, но недалеко от нее. Лифта не было. Девятая квартира оказалась на третьем этаже, и я все прокляла, пока доперлась. И доперла Марину. Но вот, наконец-то. Обшарпанная дерматиновая дверь с покосившейся девяткой наверху и двумя дырочками замков. Над верхней скважиной из-под дерматина торчали ключья ваты.

Прислонив Марину к косяку, я вытащила из кармана ключи. Их было три, причем один маленький, наверняка от почтового ящика. Из двух оставшихся я наугад сунула один в верхний замок. Он вошел, не запнувшись, и я повернула его раз, другой. Дверь, всхлипнув, отворилась.

Схватив Марину и увлекая ее за собой, я ступила в темноту, сделала шаг и чуть не налетела на стену. От испуга я охнула. Так, спокойно, остановись и дай глазам привыкнуть, не так уж тут и темно.

Действительно, уже через мгновение я смогла ориентироваться. Крошечная прихожая, вешалка, сразу направо дверь – наверное, кухня. А вон там, прямо, откуда идет свет – комната.

Туда мы и направились. Небольшая комната, обои в полоску с цветочком. Трехстворчатый шкаф, раскладной диван с поднятой спинкой, подушки, телевизор, письменный стол у окна. Я тут же опустила Марину на диван, где она так и замерла, не шевелясь, полусидя-полулежа. Я подсунула ей под бок подушку для надежности и перевела дух. Все-таки тяжело быть сестрой милосердия. Хотя о каком милосердии я говорю...

Я сняла куртку, бросила ее на тахту рядом с Мариной и пошла вымыть руки и чего-нибудь попить. Ванную я без проблем нашла рядом с кухней, там же находился и туалет. Вся квартира была крошечной, довольно потрепанной, но аккуратной. Что называется, бедненько, но чистенько.

Марина жила одна. Я поняла это почти сразу, хотя, если пытаться объяснить, почему, навряд ли получится связно. Это было видно. Предметы на полочке в ванной, полотенца, халатик на двери... Невымытая чашка в раковине на кухне, маленькая кастрюлька на плите. Тогда я даже не успела оценить это свое открытие, просто восприняла его как должное в суматохе претворения своих идей. Осмысление придет потом.

А тогда я быстро вымыла руки, оттерла грязь с лица и попыталась, насколько можно, отчистить замызганные брюки. В этом я, конечно, не преуспела, в старой жизни пришлось бы выкинуть, а тут надо было обходиться тем, что есть.

Напившись на кухне из-под крана, я налила воды в чашку и отнесла в комнату.

Марина лежала в той же позе. Я села рядом, приподняла ее голову и попыталась попоить. Она, не открывая глаза, сделала несколько глотков и снова уронила голову на подушку. Ладно. Я отставила чашку и собралась с мыслями.

Что я должна делать? Мне надо перевоплотиться в Марину, а ее обратить в себя. Как это будет? Первым делом надо переодеться. Одеть на нее мои тряпки, дать ей мои документы, посадить в машину... Точно! А машину я разобью. Ну, не совсем, а немножко. Как будто я – то есть она – то есть нет, я – попала в аварию, ударилась и потеряла память. Этим все отлично объясняется.

А я вернусь сюда. А потом посмотрим, сейчас некогда о себе думать, надо с Мариной разобраться.

Я стянула с нее сапоги – простые резиновые дутики, расстегнула клетчатое пальтишко. Под ним обнаружили голубой самовязанный свитер и серая юбка. Так, свитер – сюда, юбку – туда, пальто пусть лежит, его все равно в последнюю очередь. Ну и грязное же оно. Ладно, может, найду на вешалке что-нибудь другое.

Пришел черед раздеваться самой. Я разулась, стянула через голову свой серый кашемировый свитер, сняла брюки. На коленках, конечно, так и остались мокрые пятна. Но делать нечего, авось, там, потом, в суете никто не заметит.

Пришел черед белья. А его тоже надо? Я посмотрела, что было надето на Марине. Да. Надо. Ее же в больнице разденут, и никто не поймет, почему элегантная дама на дорогой машине носит такое... Я вдруг вспомнила, как бабушка учила меня, совсем маленькую, что белье всегда должно быть красивым и чистым. «Но зачем, ба? – спрашивала я. – Его же никто не видит!» «А если ты под машину попадешь?» – назидательно возражала мне бабушка... Марина явно не собиралась сегодня попадать под машину...

Я разделась – раздела нас обеих – совсем догола. Натянув на Марину свои кружевные трусики и маечку-тедди, я взяла в руки ее белье и содрогнулась. Нет. Не могу я надевать чужие, еще теплые трусы, даже ради спасения собственной жизни. Ничего, обойдусь совсем без белья. Это ненадолго, никто не увидит, а потом я тут что-нибудь найду.

Раздевая Марину, я заметила у нее на теле, по нижнему краю ребер, здоровенный багровый синяк. Все-таки я ее задела, и сильно так... Может, у нее не только голова, а что-нибудь внутри повреждено, а я тут со своими игрушками. Я замерла было и потянулась к телефону – звать скорую, но быстро одернула себя. Что ты изменишь? Наоборот, ради тебя Валька поставит на ноги лучших врачей в Москве, а вызовешь ты сейчас скорую, свезут ее в районную морильню, что ей там, лучше будет? И не быстрее это нисколько. Надо одеваться скорей, и за дело.

Вязанный свитер страшно кусался на голое тело. Впрочем, и с юбкой было ничуть не лучше, она тоже была жесткая. Внутренне передернувшись, я надела-таки Мариныны колготки, мокрые насквозь.

Ладно, теперь займемся ей. Свитер, брюки, носки. Интересно, а что будет с обувью, вдруг ей мои ботинки не налезут? У меня довольно маленький размер.

Но ботинки – чудо – налезли. Строго говоря, даже оказались чуть велики. Отлично, значит, и мне ее вся обувь подойдет. Уже проще.

Так, одежда. Теперь лицо. Бог с ней, с косметикой, но умыть надо. Я сходила в ванную, намочила полотенце и аккуратно протерла Марине лоб и щеки. Во время этой процедуры она открыла глаза и уставилась на меня. Взгляд был грустным и одновременно жалобным. Я чуть не заплакала.

– Мариночка, ты подожди, потерпи, сейчас все будет хорошо, – забормотала я сбивчиво какую-то чушь, чтобы она не пугалась. Но вообще так нельзя. Ей и без того нехорошо. Надо ее... Не знаю, успокоить как-то... Усыпить, что ли... Точно! Усыпить. Это ей будет только на пользу. Я даже где-то читала, что людей с мозговыми травмами специально держат на снотворных долгое время, пока не поправятся. Вот только чем...

И тут я вспомнила, что у меня в сумке должна валяться пачка снотворного с незапамятных времен. Я всегда плохо спала, после отъезда Мити совсем перестала, а в какой-то момент даже сходила к врачу и купила снотворное. Но мне от него было только хуже, спать не спала, а ходила, как сонная муха, выпила пачку, купила вторую и даже из сумки не вынула, так и таскаю... Вот бы нашлась...

И она действительно нашлась. Я вылуцила две таблетки, снова схватила чашку с водой...

– Марин, давай выпьем. Это лекарство, глотай. Запивай водичкой.

Должно подействовать. Пускай спит. А то мне еще с этой машиной возиться, пугать ее опять. Между прочим, надо бы поторапливаться, а то народ с работы пойдет, а я буду машину

бить... Так, а что еще осталось? Сапоги мне, вот они, надела, куртку на Марину, пальто... Грязное, ну да ладно.

Так, документы. Паспорт, права. Ключи от машины. Все в сумке. Вынуть Маринину сумку из своей, что еще? Часы. Переодеть на нее мои часы. Возясь с часами, я заметила кольца. Вот ведь хорошо, что заметила. Я никогда и никуда не хожу без колец, у меня их четыре штуки. Обручальное, потом то, что Валя подарил на рождение Мити, с бриллиантом, старый бабушкин сапфир и последнее, самое любимое. Тоже Валькин подарок, на пятидесятилетие свадьбы. Три переплетенных обруча из золота разных цветов, от Картье. Белое золото – дружба, желтое золото – мудрость, розовое – любовь... И где оно все? Только кольцо и осталось.

Может, оставить все-таки? Жалко. Как я без него буду? Хотя, конечно, Валька тогда поймет, что что-то не так, он знает, что я кольца никогда не снимаю.

Скрепя сердце (или скрипя сердцем?), я сняла все свои кольца и надела Марине на пальцы. Обручальное еле налезло. Теперь точно все.

Я подняла Марину с дивана, вывела на площадку, захлопнула дверь. Снова став сиамскими близнецами, мы повторили весь наш путь, только в обратную сторону. Нельзя не отметить, что спускаться с третьего этажа с ношей гораздо приятнее.

Я снова усадила Марину в машину, пристегнула ремнем. Села сама, завела мотор и отправилась на поиски подходящего места для будущей аварии. Я решила, что лучше всего найти какое-нибудь дерево или столб, стоящий в безлюдном месте где-нибудь неподалеку, и въехать в него лобовым образом, по возможности своим, водительским краем. На небольшой скорости, чтоб только машину помять. Осталось найти этот самый столб.

Я никогда не думала, что у нас такая проблема со столбами. Все, которые мне встречались, были или за ограждением, или на возвышении, или во дворах. Не могу же я посреди двора со столбом бодаться! А далеко уезжать тоже не хотелось – обратно-то пешком возвращаться. Я уж совсем было отчаялась, но тут мне на глаза попался здоровенный забор, в нем широкие ворота, а за воротами стройка. Я тормознула и заглянула туда. Чудненько! Полное безлюдье, и везде навалены горы бетонных плит. Не столб, конечно, но что уж поделаешь.

Я быстренько въехала в ворота и огляделась уже более придирчиво. Вот отличная куча плит – высотой метра полтора, и угол торчит, острый такой. И как раз слева. То есть, конечно, правый угол тоже есть, но мне он не нужен. Интересно, с какого расстояния надо въезжать? Метров десять? Или это много. Лучше на глазок, как-то надежнее выходит.

Я аккуратно дала задний ход, примерилась и выехала на пристрелянную позицию. Ну, все. В животе вдруг – впервые за все время дурацкой эскапады – зашевелился липкий комочек страха. А если я не рассчитаю и убьюсь? Ну и что? Тебе будет уже все равно, и вообще ты – уже не ты, Волковицкая Арина Николаевна, а вовсе другая женщина, Марина Шмелева. Интересно, что тогда все решат? Что я похитила Арину и не справилась с машиной?

«Гольфик», ты прости меня. Я постараюсь тебя поменьше покалечить. Я поглядела на угол еще раз. Он казался до отвращения острым и безжалостным. На всякий случай я еще подала на пару метров вперед.

Ладно, хватит рассусоливать. А то я никогда не соберусь. Сейчас набегут какие-нибудь, начнут приставать. А что это вы тут делаете, гражданка?

Я сняла ногу с тормоза и поставила на газ. Машина тихо-тихо двинулась вперед, я почему-то вспомнила, как однажды в аквапарке Митя уговорил меня съехать с высоченной водяной горки, как я, уже сдвинувшись с места и набирая скорость, вдруг увидела, какая она высокая и как мне страшно, и я уже не могу остановиться и никуда убежать. Тогда я закрыла глаза от страха, и это помогло. Я выдохнула, крепче зажмурилась и вдавила ногу в пол...

Дзынь! Бах! Трр! Ой! Меня тряхнуло и ударило о руль. Я инстинктивно накрыла голову руками. Все было тихо. Наверное, кончилось. Быстро-то как. Я осторожно открыла один глаз.

Сама жива, это точно. Марина сидела рядом и тоже вроде дышала. Я открыла второй глаз и посмотрела вперед. Все получилось!

Левый край машины был смят в лепешку. Фара разбилась, угол пропорол бампер и вмялся в радиатор. Капот вспучился и покособился. Очень убедительно, по крайней мере изнутри.

Но любоваться творением рук своих было некогда. Я отстегнула ремни, открыла дверцу (ее, кстати, почти не перекосило) и вылезла. Потом нырнула в машину и попыталась перетащить Марину на сиденье водителя.

Снотворное, очевидно, успело подействовать, потому что она совершенно ни на что не реагировала и была обмякшая, как тряпичная кукла. Я прислушалась – дыхание ровное, нащупала пульс – вроде нормальный, не частит, не пропадает. Тащить ее было трудно, но в конце концов я справилась и усадила ее как надо. Она тут же поникла и опустилась на руль. Очень убедительно.

Я вытащила Маринину сумку и захлопнула за собой дверцу. Все. Арина осталась там, внутри. А мне надо отсюда смываться.

Я огляделась. Вокруг по-прежнему не было ни души. День катился к вечеру, ранние сумерки грозили с минуты на минуту сгуститься в серьезный вечер. Теперь надо вызвать сюда врачей и милицию.

Выбежав за ворота и отбежав по улице метров десять, я схватилась за сумку, нашаривая в ней телефон. Он никак не находился, это вечная история, когда надо, никогда мобильник в сумке не найдешь. Стоп! Какой к черту мобильник, он же остался в м-о-е-й сумке, а это – Маринина. То есть теперь моя, конечно, но от этого не легче. А как же я позвоню?

Как все люди, из автомата. Вон, кстати, на углу и автомат. Я радостно подскочила к нему и снова замерла. Чем я буду звонить? Чем вообще из них звонят? Раньше были двушки, но это было очень давно, даже я помню, что потом ввели жетоны. У меня, конечно, никакого жетона нету. В отчаянии я уставилась на автомат и поняла, что ему жетоны и не нужны. На аппарате красовалась инструкция: «Вставьте карту...»

Бог ты мой, какую еще карту? Жетон можно было бы выпросить у прохожих, но карту... Дожили, как в Париже начали по картам разговаривать. Я тупо продолжала читать бесполезную инструкцию, и вдруг, в конце... Бесплатно вызывается... Ура! Я, то есть Марина, то есть я, спасена.

– Але, скорая! Будьте добры, тут авария, машина врезалась в стену... Откуда я знаю, какой район. Адрес – Шмитовский проезд, дом я не знаю, это стройка, за забором, кирпичный такой высокий забор... Я просто мимо шла, не знаю ничего. Приезжайте, пожалуйста, я не валяю дурака. Шмитовский, да.

Поседеть можно, пока объяснишь. Надеюсь, все-таки приедут. Теперь еще милиция осталась. А надо ли ее? Может, ну на фиг... Нет, надо. А то вдруг скорая все-таки не приедет.

Но звонок в милицию почему-то дался мне легче. Изложив случившееся, я повесила трубку. Можно было бы уходить, но почему-то не хотелось. Лучше я дождусь хоть кого-нибудь, чтобы своими глазами увидеть, как Марину найдут.

Я гуляла по улице туда и сюда минут, наверное, сорок. Ничего себе, скорая помощь! Двадцать раз помрешь. Ноги в мокрых колготках страшно замерзли. Тоненькая юбочка не грела, да и пальтишко тоже, прямо сказать. Наконец мимо меня плавно проехал белый медицинский рафик с красным крестом. Поравнялся с забором, притормозил явно в поисках ворот и неспешно въехал на стройку. Слава Богу! Можно с чистой совестью отправляться домой.

На рысях, подгоняемая противным ветром, я довольно быстро дотрусила до дому. Почти даже не заблудилась, хоть и в темноте. Взобралась на третий этаж, подошла к знакомой двери, сунула руку в сумку за ключами.

Ключи не находились. Я раскрыла сумку пошире и покопалась поглубже. Нет. Я повернулась и стала внимательно рассматривать содержимое сумки в тусклом свете лампочки на площадке. Кошелек, носовой платок, никаких ключей. Я сунула руки в карманы – тоже нету, да и не может их там быть, это ж не мое пальто, прошлый-то раз я эту дверь не в нем открывала.

Внутренне я уже все поняла, но разум отказывался признавать эту кошмарную догадку. Конечно же! Дверь я отпирала в своей куртке, ключи держала в руке, на мне висела Марина, и я сунула их в карман. Там они и лежат – на Марине, то есть Арине, то есть на мне. И вот найдут их там, и чего? Даже думать не хочется.

Оставалась еще надежда, что я бросила ключи где-нибудь в прихожей. Это, конечно, чуть легче, но чисто умозрительно – в квартиру-то я все равно попасть не могу. То, что в принципе можно вызвать слесаря и взломать дверь – паспорт-то у меня есть, – мне тогда в голову не пришло, да я, наверное, тогда и не знала о таком общенародном способе. Идиотка! Так все рассчитать и так глупо вляпаться на первом же этапе. И главное, чего делать-то теперь?

Не знаю, сколько времени я проторчала под дверью с выражением тупого отчаяния на лице, но вдруг у меня за спиной раздался звук открываемой двери, шаркающие шаги, и чей-то голос позвал:

– Марин, ты чего тут застыла, или ночевать на площадке собралась?

Сперва я даже не среагировала, мало ли, кто тут с кем разговаривает. Вопрос повторили, и только тогда до меня дошло, что он, собственно, ко мне и обращен.

Я обернулась, как ужаленная. Передо мной стояла низенькая, какая-то вся такая кругленькая бабушка в непромокаемом пальто и платочке. Соседка! Господи, она же прекрасно знает Марину, но я-то ее не знаю! Как ее зовут, и вообще. Сейчас вляпаюсь.

Я промычала какое-то невнятное приветствие, но бабулька не очень прислушивалась.

– Господи, а что ж ты грязная такая? Да на тебе и лица нет! Случилось чего?

Тут в припадке мужества отчаяния меня снова посетило вдохновение, и я запинаящимся голосом сбивчиво рассказала, как поскользнулась в темноте, упала в лужу, вся выгвоздалась и уронила ключи. Старушка сочувственно охала.

– И не говори, такая грязь у нас тут. Не убирают ни черта, уж ты, молодая, падаешь, а нам, старикам, хоть вообще не выходи. А чего ж не позвонила-то? Хорошо, я вышла, увидела тебя, а ну как разошлись бы? Ничо, счас дам тебе твои ключи.

Я снова и окончательно потеряла дар речи. Воистину, бог за сирот. Или, наоборот, вся преисподняя сегодня сговорилась мне помогать. Все просто, как апельсин: у соседки были мои ключи. Я в своих евроапартаментах совершенно забыла, как это бывает, я там и соседей-то толком не видела, не говоря уж о том, чтоб ключи кому-то отдать, а ведь и действительно, когда я была маленькой, мы тоже держали ключи у соседей – на всякий случай. Вот бы еще узнать, как зовут спасительницу...

Словно услышав, бабулька отозвалась от своей двери:

– Ну и чего б ты делала без бабы Кати? То-то. Вот бери, раздевайся да заходи вечером чай пить.

– Спасибо, баба Катя! – от всего сердца откликнулась я. – А с чаем, боюсь, не выйдет – устала я, да промерзла, не заболеть бы. Я лучше завтра зайду. И к чаю чего-нибудь куплю – с меня причитается.

И что самое смешное – ни в одном ведь слове не соврала, ни тенью мысли не сфальшивила.

Я распрощалась с бабой Катей и вошла в новообретенные апартаменты, на сей раз уже полной хозяйкой. Радость от того, что ключи нашлись, ненадолго заслонила в моем сознании предыдущие страхи и сомнения, поэтому я довольно бодро нашарила на стене прихожей выключатель, разделась, сунула ноги в Маринины тапки и прошлепала в кухню. Там я на волне

эйфории зажгла плиту, поставила чайник и в ожидании, пока он вскипит, сунула нос в холодильник в поисках еды.

Не могу сказать, что поиски увенчались полным успехом. На узеньких полочках жили: небольшая кастрюлька с отварной вермишелью, начатая пачка бутербродного маргарина, плоская с чем-то белым, застывшим и липким на ощупь, наполовину пустая банка какого-то темно-красного варенья, плавленый заветренный сырок и два яйца. В морозилке отыскалась неначатая пачка готовых пельменей. Ни свежих овощей, ни сока, ни йогуртов, ни сыра с колбасой, не говоря уже о чем-нибудь существенном вроде мяса. Я разочарованно прикрыла дверцу. Придется подождать с едой до завтра, сегодня нет сил идти в магазин, тем более неизвестно, в какой. Не могу я есть вареную вермишель с маргарином. Ни то, ни другое вообще есть нельзя.

Чайник не торопился закипать. Свистел себе нахально что-то под нос. Я потрогала его – он, похоже, даже не нагрелся толком. Почему люди до сих пор живут с такими чайниками? Электрический уже сто раз бы вскипел.

Я села за стол, оперлась на руку и с тоской уставилась на чайник в надежде, что это его как-то ускорит. Внутри шевелилось какое-то странное, слегка сосущее, некомфортное чувство. Живот, что ли, от переживаний разболелся? Странно. Я вообще-то из тех, кто, что называется, родился с луженым желудком. Или это я от страха? Тоже странно – чего уж сейчас-то бояться. Надо, кстати, пойти во владениях осмотреться. Сейчас и пойду, вот только чайку попью, да и съесть бы чего-нибудь не мешало...

Тут до меня дошло. Странное чувство в животе – да это же просто голод. Я действительно с утра ничего не ела, но в этом нет ничего для меня необычного, я всегда ем редко и очень мало, и не потому, что хочется, а для порядка. И уж точно не вареную лапшу. А голодные корчи – вообще какой-то нонсенс.

Но тут живот, возбужденный, наверное, мыслями о еде, взвыл так злобно, что я чуть не рухнула с табуретки. Надо же, что творится. Есть захотелось. Не иначе, от нервов. Ну ладно, может быть, если сварить пяток пельменей, будет не так уж отвратительно...

Я начала было искать емкость для варки, но потом как представила, что пока вода закипит, да пока что сварится...

В духовке нашлась небольшая сковородочка, и через пять минут на ней в маргариновом жиру весело скворчала, поджариваясь, вареная вермишель. Чайник, смилостивившись, наконец закипел, пачка заварки обнаружилась в одной из двух навесных полок... Быт явно начинал налаживаться.

Но быт, как мне скоро пришлось убедиться, понятие растяжимое и безразмерное. После ужина я отправилась осваивать комнату, и тут мне пришлось столкнуться с проблемами посерьезней.

Строго говоря, столкнуться – неверное определение. Проблемы рухнули на меня всею кучей и просто погребли под собой. Я поняла, что, в сущности, украла чужую жизнь, вошла в нее с потрохами, а что дальше делать – не имею ни малейшего представления.

Хорошо, и, Господи, как хорошо, что Марина жила одна! Я только сейчас осознала всю важность этого факта. Но кроме жизни, то есть непосредственно квартиры, существует масса других точек соприкосновения с окружающим миром, а я не то, что не знаю каких, но и представления не имею, где их искать.

Вот работа. Где-то она наверняка работает и не далее как завтра утром должна там появиться. То есть не она, а я должна. Допустим, я там не появлюсь, ее, то есть меня, уволят, надо будет искать другую работу, а что я умею делать? То есть что умела делать Марина, и справлюсь ли с этим я, даже если каким-то чудом узнаю, что это за загадочная деятельность.

Интересно, а может, эта деятельность оставляет следы в быту? Вот, например, если взглянуть на книги вокруг моего, то есть Ариного, стола и кровати, довольно легко можно догадаться, чем я занимаюсь, хотя я вообще не работаю.

Вряд ли Марина имеет отношение к еде, судя по холодильнику. И вообще, наверное, у нее неважно с деньгами. Уже немного легче: во-первых, с такой работы не сразу выгонят, а во-вторых, будет не так жалко. Так, что еще можно сообразить? Я наехала на нее среди дня, день сегодня будний. В сумке ничего делового не было – значит, не курьер. Может, конечно, она по сменам работает... Господи, а если на каком-нибудь заводе? Я ж с ума там сойду...

Да ты уже сошла, так что успокойся, терять тебе нечего. Лучше напрягись и ищи. Вот письменный стол, надо там посмотреть. Если у человека есть стол, что-то ведь он за ним делает.

Великая наука дедукция немедленно принесла свои плоды. На столе, сдвинутые к дальнему краю, немедленно обнаружились здоровенные стопки тетрадок. Да что там стопки – целые бастионы тетрадок. Я не заметила их раньше именно потому, что их было так много.

Бросившись на добычу, я жадно схватила верхнюю тетрадку из стопки. «Для работ по русскому языку... ученика 6 класса... школы... Иванова Васи». Все понятно – Марина была учительницей. А по номеру школы я запросто найду, где она находится. Можно по 09 позвонить, заодно и телефон скажут. И я туда завтра с утра позвоню и притворюсь больной – на недельку, – а потом все как-нибудь устанется. В конце концов, я, наверное, вполне смогу учить детей русскому языку – почему бы и нет? Тоже мне, бином Ньютона. И литературе... Даже интересно. Все-таки литература – это тоже искусство. Вот только отыскать бы эту школу. Но это потом.

Интересно, а все эти тетрадки надо до завтра проверить? Или Марина сама успела? Хорошо бы. Я с надеждой отлистала исписанные корявым детским почерком страницы до конца, обнаружив по дороге массу красных пометок на полях. В конце стояла жирная красная же тройка. Умничка Марина. Бестолковый Вася Иванов.

Ну хорошо. С жильем все понятно, с работой вроде тоже в первом приближении разобрались. Что еще остается? Родные и близкие... Мужа у Марины нет, это видно и так, и по паспорту, детей тоже, а вот родители... Если есть, да еще и близко, то это проблема. Потому что сходство сходством, но любая мать своего ребенка узнает из миллиона.

И это немедленно навело меня на мысль о моей собственной маме. Которая, конечно же, немедленно примчится, если уже не примчалась, в больницу, а поскольку мама – не Валька, то никакой амнезией ей зубы не заболтаешь, она враз поймет, что это не я, и тут такое начнется... Или уже началось... Нет-нет-нет, маму нужно как-то нейтрализовать. И наверное, лучше всего рассказать ей правду. Если она будет знать, что я жива и здорова, то не станет активно вмешиваться. Мало ли, как дитя развлекается... И потом, хоть я и не рассказываю ей о своих заморочках и, приезжая к ним в гости, изо всех сил делаю бодрый вид, мама все равно о чем-то догадывалась. Она не спрашивала меня ни о чем напрямую, просто... Догадывалась. На то и мама. Хорошо еще, если про бутылки в шкафу не знала. Может, я дура и надо было все раньше ей рассказать, ну да что уж теперь.

Теперь надо застать ее дома, потому что по мобильному ей все равно никогда не дозволишься – она его не слышит в сумке и не берет (если вообще не оставляет дома). Быстро, быстро, где здесь телефон?

Телефон довольно быстро отыскался под диваном – я сама же его туда и засунула впопыхах. Старенький аппарат, еще с цифровым диском, трубка растреснута и замотана синим изоляционным шнуром. Надо будет потом трубку нормальную купить...

С непривычки ошибаясь во вращении цифр и торопясь, я пару раз попала не туда, и только потом, сосредоточившись, усилием воли набрала все как надо. Гудок. Еще один. Неужели скорая так быстро работает – и Вальку успели найти, и маму... Нет, вот подошла.

– Привет, мамочка, это я. Как дела?

– У нас все в порядке. А почему у тебя голос такой?

– Какой такой, мам? Нормальный голос. – Вот и всегда она так – я еще чихнуть не успею, а мама уже знает, что я простужена. Ну и втули ей, что я – не я. Нет, правильно решила расколоться.

– Мам, я должна тебе что-то рассказать, только ты не волнуйся.

– Я так и знала. Что с тобой случилось?

– Мам, со мной все в порядке, ничего не случилось. То есть случилось, я же и пытаюсь тебе рассказать.

– Что произошло? Митя? Валя?

– О Господи! Мам! Сядь и послушай. Это вообще не про них, это про меня. Понимаешь, дело в том, что... В общем, я тут попала в аварию...

– Я чувствовала. С тобой все в порядке? Ты где?

Я разозлилась. Видит Бог, я пыталась осторожно ее подготовить, но это же невозможно.

– Если ты еще раз меня перебежешь, я сдохну от злости! Ты можешь послушать без дурацких вопросов? Две минуты? Я попала в аварию, и я в больнице, тебе сейчас позвонят, но это не я, поэтому, когда позвонят, ты не волнуйся. Со мной все в порядке, я цела и вообще в другом месте.

– Все понятно, – спокойно сказала мама. Неужели правда понятно? Или она у меня гений? – У тебя сотрясение мозга. Врач там поблизости есть? Позови его.

– Ма-а-ам! Какой врач? Я не в больнице! В больнице – не я! И в аварии – не я. Но все будут думать, что я, а тебя я предупредила, и ты не волнуйся.

В общем, с горем пополам мне удалось наконец более-менее связно изложить ей суть произошедшего. И тут я снова убедилась в полезности существования родной матери.

– Где, ты говоришь, ты находишься? – спросила она. – Я к тебе приеду. Тебе много чего понадобится, ты подумай как следует, я тебе все привезу.

Все-таки она у меня умница. С ходу мне в голову пришли только апельсиновый сок, телефонный справочник и карта Москвы. И одновременно другая замечательная мысль.

– Мам, ты подожди ко мне ехать. Лучше завтра. Я как раз все вспомню, чего надо. А сейчас ты лучше в больницу съезди.

– В какую больницу?

– Ну, откуда я знаю, в какую. Куда меня отвезли, то есть Марину. Они скоро Вальку найдут, а он тебе позвонит.

– И зачем я туда поеду?

Нет, все же с ней трудно.

– Как зачем? Это же я!

– Но ты же здесь!

– Да, но ты-то этого не знаешь! Как будто. Твоя дочь попала в аварию, в больницу, а ты не поедешь, что ли? Сама подумай.

– И что я там буду делать? Я не смогу. Все догадаются.

– Тебе не надо ничего делать. Она без сознания, у нее потеря памяти, она тебя так и так не узнает. Скажешь: «Дочка, дочка, что же ты меня не узнаешь?», заплачешь и уйдешь, всего и делов.

– Я не смогу, я засмеюсь. А у нее правда потеря памяти?

– Я же тебе объясняю. И ничего смешного, она со мной – одно лицо. А ты там все посмотришь, как, что. Как Валька.

– А если она все вспомнит?

– Всё равно все решат, что она не в себе. И наоборот – ты ей тогда тихонечко скажешь, что все хорошо, чтобы не рыпалась, лежала, поправлялась, и позвонишь мне. Я что-нибудь придумаю. Мам, пожалуйста.

– Ну я не знаю. Зачем тебе все это надо?

– Мам, сейчас все равно поздно. Пожалуйста, поезжай. И завтра – ко мне. И тогда поговорим.

– Ладно. Какой у тебя телефон?

Хороший вопрос. Я с ужасом поняла, что не знаю. И даже не представляю, как и узнать-то. Наверное, можно завтра будет позвонить в какое-нибудь адресное бюро (в какое?), и там, по адресу... А если правда надо будет из больницы позвонить?

– Мам, я не знаю. И что делать, не знаю.

– Вот балда. Посмотри на телефоне.

Я тупо послушалась, взяла аппарат в руки, и – о, чудо – внизу, в рамочке, была заткнута истертая бумажка, на которой слабо различалось семь цифр, коряво написанных синей ручкой.

– Мам, есть! Записывай. И перезвони мне для проверки.

Она перезвонила только через полчаса, и я уже успела совершенно пасть духом. Наверное, номер какой-нибудь неверный, или я плохо разобрала. Я пыталась сама ей перезвонить, но было безнадежно занято. Что она там, набирает без конца, что ли? Наконец раздался звонок.

– Ну, слава богу! Чего ты так долго?

– Мне звонил Валя, – сурово сказала моя мать. – Ты напилась или накололась какой-то дрянью, разбила машину, попала в больницу. Что вообще происходит? Валя просто сам не свой. Я сейчас же еду туда. Он хотел звонить Мите, я еле его отговорила.

– Мамочка, ты гений! Давай едь скорее, завтра созвонимся.

Господи, как хорошо, что я догадалась ей позвонить. Действительно, Митю же могли напугать. Я идиотка, что сама об этом не подумала! А Валька... Вне себя... Странно. Наверное, машину жалеет, новая совсем была. Но вообще интересно, что там сейчас происходит, в этой больнице. Эх, не спросила у матери, в какой. Хотя какая разница? Завтра так и так все узнаю.

Чего бы такого сделать, чтобы время прошло? А кстати, сколько времени-то? Единственные часы, которые мне удалось найти – старый будильник на кухне – показывали половину третьего, причем уже давно. Попытки завести их ни к чему не привели. Надо будет внести часы в список для мамы, а пока время можно узнать по телефону.

Ого, уже восемь! И даже с лишним. Тогда вообще можно ложиться спать, пока еще я тут простыни всякие найду, рубашку ночную... Можно будет лечь и телевизор включить – вдруг про меня в «Дорожном патруле» скажут. Или в «Криминальном вестнике»!

Валентин Сергеевич Волковицкий повесил телефонную трубку, отпил остывшего кофе, протянул руки за голову и вытянулся, откинувшись в кресле. Нет конца суете. А впереди еще такой длинный день.

С утра он читал лекцию аспирантам экономической школы. Занятие было хлопотливое и неблагодарное – к лекциям еще и готовиться надо было, – но он его не бросал. Во-первых, помогало держаться в форме, во-вторых – это интеллигентно и благотворно влияет на имидж, в третьих... В-третьих, неважно. В конце концов, ему это даже нравилось.

Потом, после лекции, нужно было подскочить в Думу. Там был намечен важный разговор. Разговор, как всегда, разветвился, зацепился, перетек в кулуары, потом в ресторан, пообедать по делу, потом – опять треп... В общем, до своей конторы он добрался уже часам к четырем. А тут тоже, как всегда, ждала суета. Клиенты, запарки, несостыковки. Гриша, заместитель, конечно, разгребал, как мог, но все равно хватило. Хороший парень Гриша, сам его, можно сказать, из ничего вырастил. Это важно, когда есть надежный тыл. Хотя рассчитывать, конечно, в любом случае можно только на себя.

И хорошо рассчитывать. Расчет – вообще главное дело в чем угодно, а уж в экономике... Вот тогда, в молодости, все, позакончив университет, ломанулись зарабатывать деньги, а он рассчитал – и защитил кандидатскую. Тогда это вообще не ценилось, степень, звание – ерунда какая. И докторскую потом, через пять лет, тоже подумал и сделал. И теперь кругом полно

специалистов, экономистов и прочих знатоков, а доктор наук Волковицкий – только один. И что ни говори, это красиво звучит, особенно будучи произнесено с правильной интонацией. И в бизнесе лишние знания и хороший расчет никогда не мешают. Тем более, если сам бизнес построен на экономических расчетах. А фирма Валентина Сергеевича именно этим и занималась – консультациями, расчетами и прогнозами. Экономическими. Но каждый, кто имел с этим дело, понимает: от экономики до политики один шаг.

Валентин Сергеевич был удачливым бизнесменом. Достаточно умным, достаточно жестким, в меру жестоким, имеющим мертвую хватку и множество нужных связей. Выросшим в нужное время в нужном месте. Умеющим все и чувствующим себя в омуте отечественного бизнеса, как рыба в воде. Крупная, хищная рыба в блестящей монетной чешуе.

Всем этим он совершенно не отличался от каждого отдельно взятого преуспевшего нового русского. И ум, и удача, и связи, и жесткость – все это совершенно необходимые компоненты делового успеха. Но, в отличие от среднего новорусского бизнесмена, в его чешуйчатой броне была одна брешь. И дело не в самом ее наличии – слабые места есть у всех. Дело в том, каким именно было это слабое место.

Валентин Сергеевич Волковицкий любил свою жену. Не новую, последнюю, положенную новым русским по статусу трофейную жену-блондинку с ногами от ушей, а ту самую, первую и единственную Арину, которую знал двадцать лет. Хотя она тоже была блондинка, и с ногами у нее было все в порядке.

Он любил ее, кажется, с того самого первого дня, когда, перейдя в десятом классе в другую школу, вошел в свой новый класс. Он увидел ее сразу же. Акварельно-преlestное правильное лицо, огромные серые глаза, светлые пряди волос... Она сидела на первой парте, а рядом было свободное место. Как знак судьбы. Он сел туда, и Арина вошла в его жизнь.

И сразу самым важным стало не потерять ее. Потому что Арина оказалась не только прелестной девушкой, интересной собеседницей, прекрасной женой и матерью – она сразу стала и долго оставалась для него чем-то даже более важным, чем все вышеперечисленные качества.

Арина была из очень хорошей, по тем временам прямо-таки аристократической семьи. Папа со связями чуть не в Совете министров, мама на соответственном уровне. Но дело было даже не в этом (хотя и это потом очень пригодилось, особенно папины связи), а в ней самой. Она была по настоящему правильной и правильно настоящей. Было прямо удивительно, что он сумел с первого взгляда так сразу это понять.

Он ценил эту свою удачу и очень берег. То, чтобы Арина ни в чем не нуждалась, стало для него делом чести. То, чтобы она могла гордиться своим мужем, стало для него делом жизни. И она гордилась, и не нуждалась, и могла позволить себе все, что угодно. Хотя никогда не злоупотребляла, что только добавляло к ней уважения.

Конечно, особенно в эти последние годы, они не были уже так близки, как когда-то, в самом начале. Конечно, он не мог похвалиться абсолютной верностью жене, но этого и не требовалось. И вообще, это отчасти работа... Модельки, актерки, секретутки. Сегодня одна, завтра другая. И они так же – сегодня с одним, завтра с другим. А если правильно рассчитать и выбрать этого другого самому... От девиц была своя польза. Но к Арине это не имело никакого отношения. Арина – это другое, нечто светлое, чистое, свое. Самое лучшее, что вообще было. Арина была всегда, и всегда, он был уверен, рядом, стоит только руку протянуть. А то, что протянуть эту руку нет ни времени, ни сил – временное явление. В конце концов, работает он тоже для нее. Для них с Митькой.

Ему самому было иногда чертовски обидно, что нельзя рассказать Арине о каких-то моментах его чертовой работы. А рассказывать без этих моментов было бессмысленно. Но он не мог рассказывать об этом Арине. Она была слишком хороша, она бы не поняла – нет, неверно, понять бы как раз поняла, Арина была далеко не дура, – не приняла бы этого. И он мог бы ее потерять. А этого нельзя допустить.

Вот Митька. Он так удачно отправил его в Швейцарию. И Арина, кажется, довольна. Все очень хорошо, но ведь нельзя же было ей говорить, что именно произошло с ребенком хозяина содружественной фирмы, который не согласился тогда... Неважно. Арина бы не выдержала, взяла сына, уехала бы куда-нибудь, и он бы ее потерял. А если бы он не делал ничего, и с Митькой бы что-то случилось, он потерял бы ее тем более. Сына Арина, пожалуй, всегда любила больше, чем его. Нет, он не рассказывает Арине чего не нужно, и это к ее же пользе. Наверное, они маловато общаются в последнее время, но это пройдет, пройдет. Когда-нибудь... Вот сейчас только он отзвонится в пару мест, встретится с человеком, на вечер назначен ужин с французским партнером, а там можно будет и домой.

Телефонный звонок прозвучал неожиданно и противно. Это был внутренний, офисный телефон, он и вообще-то почти никогда не звонил. Звонки уровня этой линии обычно решала секретарша. Валентин Сергеевич недовольно поморщился, но трубку поднял. Секретарша и оказалась. Запинаясь, дрожащим, как не своим, голосом она лепетала:

– Валентин Сергеевич... Там... Склифосовский... Позвонили... Авария... Арина Николаевна!

Марина открыла глаза, словно вынырнув наконец из тяжелой белесой мути. Прямо над ней, в вышине и сиянии, убегал куда-то вдаль по стене угол потолка. Следить за ним было трудно, сразу начала кружиться голова. Она зажмурилась, потом опять открыла глаза. Угол ненадолго вернулся на прежнее место, но только затем, чтобы снова начать свой неуловимый бег. В ушах что-то тоненько и противно звенело, мешая сосредоточиться.

Устав, Марина еще раз закрыла глаза и, наверное, даже задремала, потому что, когда она открыла глаза следующий раз, никакого угла не было. На месте угла стояла высокая бесформенная фигура, обтянутая белой материей.

– Проснулись, Арина Николаевна? Как себя чувствуете? – прогудел откуда-то снаружи и сверху голос, и Марина как-то вдруг поняла, что непонятная фигура – это просто медсестра в белом халате, а сама она лежит на койке, а вокруг нее, наверное, больница.

Это отчасти объясняло и головокружение, и звон в ушах. Неясно только было, как она сюда попала. Тем не менее Марина послушно кивнула, дескать, проснулась, и попыталась сказать, что чувствует себя ничего. Но слова почему-то не получались. Она шевелила губами, но звука не выходило, и тогда она в отчаянии снова закрыла глаза.

Чья-то рука тут же затеребила ее, захлопала по щекам, но не больно, а очень бережно.

– Не засыпайте, не засыпайте, откройте глаза. Пить хотите?

Пришлось снова открыть глаза, и тут же, словно в награду, та же рука поднесла к губам стакан с влагой. Марина неловко отхлебнула пересохшими губами. Вкус был незнакомым, свежим и кисловатым, каким-то бодрящим. Заинтересовавшись, она скосила глаза, стараясь заглянуть в стакан. Жидкость там была яркой, желто-оранжевой и радостной даже на вид. Интересно, что это было? Это теперь во всех больницах дают?

Сестра, поставив стакан, продолжала хлопотать вокруг, что-то поправляя, переставляя какие-то предметы на тумбочке рядом с изголовьем, Марине не хотелось вникать. Больше всего хотелось снова закрыть глаза и погрузиться в блаженную дремоту. Так она тихонько и сделала, и уже совсем было начала уплывать, как вдруг...

– Не засыпайте, не засыпайте, – ворвался в мозг пронзительный голос сестры. – Сейчас муж ваш придет, он там испереживался весь, я только сказала, что вы в себя пришли, а вы опять спать! Просыпайтесь, пора.

Как муж? Какой муж? У нее нет никакого мужа. Произошла какая-то ошибка. Да, она не помнит, как сюда попала, но она точно знает, что не замужем. И не была. Наверное, перепутали с кем-нибудь, вот будет сейчас неудобно.

Марина вскинулась, чтобы предупредить сестру, но та уже выходила из палаты – за чьим-то неизвестным мужем. Она в недоумении пожала плечами и обернулась, ища поддержки у соседей по палате, но, кроме нее, в палате не было никого. И сама палата была странной – вместо рядка узких коек, перемежаемых тумбочками, здесь кроме ее кровати стояло два кресла и маленький столик между ними, в углу белел небольшой холодильник, а с потолка на изломистой железной ноге спускался телевизор. Помещение было просторным, с потолка лился мягкий свет. Стена по левую сторону от кровати завешена мягкой красивой тканью – Марина не сразу догадалась, что это штора, закрывающая окно. Мамочка дорогая, и куда же она попала? На больницу, пожалуй, не похоже, а что может быть?

Марина сосредоточилась и попыталась вспомнить все, что могла, из происходившего с ней до того.

Она пошла лечить зубы. Прямо с утра пошла, потому что коренной ныл всю ночь, а в школе, слава богу, были каникулы. В районной поликлинике после долгой очереди ее направили на рентген, куда-то к черту на рога на двух автобусах, там ей сказали, что нужно удалять корень и предложили все сделать прямо на месте, но уже за деньги. Зуб разболелся почти невыносимо, прием в районной поликлинике кончился, и она согласилась. Ее тут же посадили в кресло и рассверлили больной зуб за милую душу. Да, и наркоз вкололи, все как положено, даже больно не было. А потом она вышла оттуда, стала искать остановку, голова еще покруживалась...

А дальше она не помнит. Ничегошеньки. Но это она про сейчас не помнит, а так-то она в порядке. Шмелева Марина Михайловна, год рождения, русская – все на месте. Не замужем, детей нет. Проживает... Работает... Нет, ну откуда они этого мужа придумали? То есть, конечно, замуж-то ей хотелось, но чтоб самой... Чтоб, так сказать, участвовать в процессе... И вообще, бывают же такие бабы счастливые – муж над ними в больнице сидит. Хоть посмотреть бы на таких...

Тут ее желание исполнилось – дверь открылась, и в палату вошла давнишняя медсестра, а за ней дядечка в наброшенном на плечи белом халате. Марина специально на него внимательно посмотрела – нет, ничего знакомого. Хотя мужик, конечно, симпатичный – высокий, не толстый, стрижка стильная. И лицо ничего – интеллигентное, очки в тонкой оправе, нос, лоб. Костюм под халатом такой аккуратный. Но она его, конечно же, первый раз в жизни видит.

Она только хотела ему об этом сказать, как незнакомый мужик подскочил к кровати, нагнулся, будто поцеловать хотел, но вместо этого схватил только за руку.

– Арина! Слава Богу! Как ты меня напугала! С тобой все в порядке?

Надо же, и по имени знает. Что происходит? Сестра напутала, но он-то должен был разглядеть. Марина испуганно дернулась, отняла у мужика руку.

– Вы кто?

Тот отшатнулся, посмотрел на нее с недоверием. Марине вовсе не хотелось его обижать, он ей ничего плохого не делал, но что за бардак такой?

– Вы не обижайтесь, – сказала она уже тише. – Я ведь не знаю вас совсем. Тут какая-то ошибка.

Мужик совсем изменился в лице и беспомощно, как ребенок, обернулся к сестре. А та, словно догадавшись, с готовностью зашептала что-то ему на ухо, одновременно потянув за рукав к выходу. Тот только и успел еще раз глянуть а Маринину сторону, и что-то такое странное было в этом взгляде – то ли грусть, то ли жалость...

Сестра довольно быстро вернулась, сунула Марине градусник в рот, закатала рукав – стала мерить давление. Вынув градусник (что за манера у них тут странная?), Марина спросила:

– Ну что, разъяснилось с ним?

Сестра ничего не ответила, только посмотрела вопросительно.

– Ну, нашли его-то жену? – опять спросила Марина. – А то видно же, как переживает человек.

– Все в порядке, – как-то очень спокойно ответила сестра. – Вы только не волнуйтесь. Вот сейчас укольчик сделаем, вы еще поспите, отдохнете...

После укола действительно опять потянуло в сон, и, так и не разрешив загадки, Марина отключилась.

Когда она проснулась следующий раз, шторы на стене были открыты, в окно лился белый дневной свет, а голова совсем не кружилась. Марина с удовольствием потянулась, села в постели... И тут же вспомнила все давешние переживания. Что она пошла лечить зубы, но почему-то оказалась в больнице, причем больнице какой-то неправдоподобно хорошей, наверное, платной и дорогой, что ее, похоже, с кем-то перепутали, что к ней приходил чужой муж и что вообще все неясно. Ей стало неприятно. Интересно, разобрались они там с этим мужем или нет, а то как выяснится, что она сама должна будет за все это платить, а чем? Последние деньги до зарплаты ушли на зубного, да и вообще – на такую больницу никакой ее учительской зарплаты все равно не хватит. Вот понять бы еще, как она вообще сюда попала, но почему-то именно это вспомнить никак не удавалось.

В конце концов Марине надоело перебирать неприятные мысли. Устроится как-нибудь, а пока надо встать, умыться, то-се. Она спустила ноги на пол. Около постели сразу же обнаружились небывалой красоты тапочки, бархатные, темно-зеленые, с пятнистым пушистым мехом. Марина не без удовольствия сунула в них ноги – размер был ее, как влитой. На спинке кровати висел темно-зеленый же бархатный халат – красивее, чем показывают в кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.